

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

10 февраля 2016 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н.В.Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Курганского областного суда,

у с т а н о в и л :

1. В своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации Курганский областной суд оспаривает конституционность части восьмой статьи 246 УПК Российской Федерации, регламентирующей участие обвинителя в судебном разбирательстве и устанавливающей, что государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может изменить обвинение в сторону смягчения

путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, путем исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой этого Кодекса, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте, либо путем переквалификации деяния в соответствии с нормой этого Кодекса, предусматривающей более мягкое наказание.

Как следует из запроса и приложенных к нему материалов, в производстве Курганского областного суда находится уголовное дело по апелляционному представлению прокурора на приговор Лебяжьевого районного суда Курганской области от 28 августа 2015 года, которым гражданин С. осужден за совершение преступления, предусмотренного пунктом «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации (кража, совершенная с незаконным проникновением в помещение). Общий ущерб, причиненный содеянным, составил 1724 рубля.

Суд первой инстанции, постановляя приговор, не согласился с заявленной в ходе судебного заседания позицией государственного обвинителя, который полагал необходимым изменить квалификацию совершенного подсудимым преступления на более мягкую и признать его виновным по части первой статьи 158 УК Российской Федерации (кража без отягчающих обстоятельств). Обосновывая свою позицию, государственный обвинитель указал, что отсутствует признак незаконного проникновения в помещение, поскольку дом, где совершено хищение, был непригоден для проживания, без освещения и части остекления. Суд же основывался на факте нахождения там имущества, представлявшего ценность для потерпевшего, и на том, что данное строение отвечало признакам помещения применительно к пункту «б» части второй статьи 158 УК Российской Федерации.

Приговор был обжалован прокурором в апелляционном порядке в связи с тем, что суд первой инстанции вышел за пределы обвинения,

измененного государственным обвинителем во время судебного разбирательства (часть восьмая статьи 246 и статья 252 УПК Российской Федерации). Суд апелляционной инстанции постановлением от 15 октября 2015 года приостановил производство по уголовному делу и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с соответствующим запросом.

По мнению заявителя, часть восьмая статьи 246 УПК Российской Федерации противоречит статьям 10 и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащиеся в ней положения по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, наделяют изменение государственным обвинителем обвинения свойством обязательности для судов первой и апелляционной инстанций, предопределяя безусловное принятие ими решения о квалификации инкриминируемого подсудимому преступления в пределах измененного обвинения и исключая его квалификацию – в целях правильного применения уголовного закона – вопреки позиции государственного обвинителя в рамках ранее предъявленного, а не измененного обвинения.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием (статья 1, часть 1; статья 2; статья 17, часть 1; статьи 18 и 118); в Российской Федерации гарантируется государственная, в том числе судебная, защита прав и свобод человека и гражданина, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а решения и действия (или

бездействие) органов государственной власти и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (статья 45; статья 46, части 1 и 2).

В силу статей 46–52, 118 (части 1 и 2), 123 (часть 3) и 126 Конституции Российской Федерации судебная функция разрешения уголовного дела и функция обвинения должны быть строго разграничены, каждая из них возлагается на соответствующие субъекты. Возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях – также потерпевшими. Суд же, осуществляющий судебную власть посредством уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П).

3. Обвинение представляет собой утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством порядке (пункт 22 статьи 5 УПК Российской Федерации), оно должно быть закреплено в процессуальном документе и подтверждено доказательствами. Совокупность установленных по уголовному делу фактов, которые свидетельствуют о совершении обвиняемым общественно опасного и противоправного деяния как основании его уголовной ответственности, составляет объем обвинения. Обвинение отражает фактические обстоятельства преступного деяния и указывает на конкретные признаки состава преступления в том виде, в каком они установлены органами предварительного расследования и сформулированы в специальном процессуальном документе (постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении).

Исходя из части второй статьи 252 УПК Российской Федерации изменение обвинения в судебном разбирательстве, в том числе государственным обвинителем, допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Нормы уголовно-процессуального законодательства, которые регулируют порядок и правовые последствия изменения государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, неоднократно были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, в Постановлении от 20 апреля 1999 года № 7-П Конституционный Суд Российской Федерации указал следующее. Конституция Российской Федерации в статье 49 провозглашает принцип презумпции невиновности, в силу которого каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (часть 1). Данное конституционное требование в совокупности с принципом состязательности сторон судопроизводства, закрепленным статьей 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, предполагает, что суд вправе устанавливать виновность лица лишь при условии, если доказывают ее органы и лица, осуществляющие уголовное преследование. Поскольку, по смыслу статей 118 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, формирующих и обосновывающих обвинение, то не устраненные ими сомнения в виновности обвиняемого, согласно статье 49 (часть 3) Конституции Российской Федерации, толкуются в пользу последнего. Таким образом, если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме и тем более если прокурор и потерпевший отказались от поддержания обвинения в суде (полностью или частично), то это должно приводить – в системе действующих уголовно-процессуальных норм при

их конституционном истолковании – к постановлению в отношении обвиняемого оправдательного приговора или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

В дальнейшем Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел ходатайство Генерального прокурора Российской Федерации, в котором в рамках разъяснения названного Постановления прямо ставились вопросы: возможно ли рассматривать обвинительное заключение как процессуальный документ, не имеющий никакого правового значения для суда, в случае отказа прокурора от обвинения и вправе ли суд в случае доказанности представителем государственного обвинения виновности подсудимого в совершении преступления дать иную, отличную от предложенной стороной обвинения, юридическую оценку деяниям подсудимого, если это связано с необходимостью применить более строгий закон, чем предложил государственный обвинитель? Отвечая на эти вопросы, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 5 июля 2000 года № 150-О подчеркнул: отказ прокурора и потерпевшего от поддержания обвинения в суде означает, что обвинительное заключение в целом или в соответствующей его части не может более определять основу и пределы судебного рассмотрения уголовного дела; при изменении государственным обвинителем квалификации деяния суд в соответствии с позицией государственного обвинителя постановляет обвинительный приговор, констатирующий виновность в менее тяжком преступлении.

Данная правовая позиция получила свое развитие в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П по делу о проверке конституционности – в связи с запросами судов общей юрисдикции, в том числе Курганского областного суда, и жалобами граждан – положений уголовно-процессуального законодательства, которыми, в частности, определяются последствия отказа государственного обвинителя от обвинения или его изменения в

сторону смягчения при рассмотрении уголовного дела в суде. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что правовые позиции, ранее высказанные им применительно к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, восприняты законодателем и закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, введенном в действие в 2002 году: по смыслу его статьи 246, полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства либо изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом соответствующего решения. Конституционный Суд Российской Федерации пришел также к выводу, что отказ от обвинения и его изменение в сторону смягчения требуют мотивированного обоснования, поскольку мотивированность решения предполагает возможность его последующей проверки, и что вынесение судом решения, обусловленного такой позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, законность же, обоснованность и справедливость данного решения возможно проверить в вышестоящем суде.

Аналогичный подход был применен и в отношении запроса Курганского областного суда, в котором ставился вопрос о неконституционности части седьмой статьи 246 и пункта 2 статьи 254 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они обязывают суд, основываясь на позиции по делу государственного обвинителя, признать подсудимого виновным в пределах измененного обвинителем обвинения. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, отказывая в принятии запроса к рассмотрению Определением от 14 декабря 2004 года № 393-О, непредоставление суду полномочий, выходящих за рамки осуществляемой им функции правосудия, в том числе полномочия принимать решение в пределах сформулированного в обвинительном заключении или обвинительном акте обвинения, если обвинитель полностью или частично отказался от него либо внес в него изменения, и, соответственно, возложение

на суд обязанности прекратить уголовное дело (уголовное преследование) при полном или частичном отказе обвинителя от обвинения не могут расцениваться как ограничение самостоятельности и независимости суда, гарантируемых Конституцией Российской Федерации.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации нашли отражение и в судебной практике. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил судам, что в соответствии с частями седьмой и восьмой статьи 246 УПК Российской Федерации полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, а также изменение им обвинения в сторону смягчения определяют принятие судом решения в соответствии с позицией государственного обвинителя, поскольку уголовно-процессуальное законодательство исходит из того, что уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, а формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются обвинителем (пункт 29 постановления от 5 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»); в случаях изменения государственным обвинителем в ходе судебного заседания обвинения в сторону смягчения либо при частичном отказе от обвинения председательствующий судья должен вынести постановление о продолжении разбирательства дела в объеме обвинения, поддерживаемого государственным обвинителем (пункт 9 постановления от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»).

4. В Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации признал положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации применительно к случаям, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях

обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления, – поскольку действующее правовое регулирование препятствовало при таких условиях возвращению уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом.

Как указано в названном Постановлении, разрешая уголовное дело, суд на основе исследованных в судебном заседании доказательств формулирует выводы об установленных фактах, о подлежащих применению в деле нормах права и, соответственно, об осуждении или оправдании лиц, в отношении которых велось уголовное преследование; при этом состязательность в уголовном судопроизводстве предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и лицами, возложение же на суд обязанности в той или иной форме подменять их деятельность по осуществлению функции обвинения не согласуется с предписанием статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия, как того требуют ее статья 120 (часть 1), а также статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что, поскольку в силу статей 49 (часть 1), 118 и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их положения статей 1, 5, 15 и 16 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» признание лица виновным в совершении преступления составляет исключительную компетенцию судебной власти, а судьи как ее представители при осуществлении правосудия подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, постольку рассмотрение судом находящихся в его производстве дел предполагает наличие у него возможности самостоятельно, независимо от

чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства конкретного дела, не вторгаясь в функцию обвинения, и выбрать подлежащую применению норму права, равно как и обязанности вынести на этой основе правосудное решение по делу при соблюдении процедуры, гарантирующей реализацию процессуальных прав участников судопроизводства.

Однако выводы, сделанные Конституционным Судом Российской Федерации применительно к праву суда на возвращение уголовного дела прокурору по собственной инициативе для устранения препятствий к его рассмотрению, не могут быть распространены на случаи изменения обвинения в суде государственным обвинителем в сторону смягчения.

Согласно части третьей статьи 15 УПК Российской Федерации суд не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Прокурор же в судебном разбирательстве, будучи единственной процессуальной фигурой, выполняющей функцию уголовного преследования со стороны государства, обладает процессуальным статусом государственного обвинителя, и если он отказывается от обвинения или изменяет обвинение на менее тяжкое, то фактически состязательность процесса в соответствующей части прекращается. Кроме того, в рамках состязательного процесса и подсудимый, и его защитник выстраивают свою позицию, сообразуясь с объемом того обвинения, которое поддержано государственным обвинителем в судебном заседании. При этом отказ государственного обвинителя от обвинения или изменение обвинения в сторону смягчения должно быть мотивированным и обоснованным ссылкой на предусмотренные законом основания. В свою очередь, суд, принимая решение, обусловленное позицией государственного обвинителя, обязан не просто рассмотреть мотивы его действий, но и в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, установить обоснованность такого отказа или изменения, для чего необходимо исследовать обстоятельства дела, проверить и оценить собранные и представленные суду доказательства. Лишь по результатам этой процедуры

может быть принято соответствующее судебное решение, законность, обоснованность и справедливость которого возможно проверить в вышестоящем суде (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2004 года № 393-О, от 16 декабря 2010 года № 1711-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1219-О-О, от 25 января 2012 года № 105-О-О и от 25 сентября 2014 года № 1904-О).

Таким образом, по смыслу части восьмой статьи 246 УПК Российской Федерации, применяемой с учетом правовых позиций, выраженных в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 года № 7-П, от 8 декабря 2003 года 18-П и от 2 июля 2013 года № 16-П, а также в его определениях от 5 июля 2000 года № 150-О, от 14 декабря 2004 года № 393-О и др., решение суда по вопросу об объеме обвинения при его изменении государственным обвинителем в судебном заседании в сторону смягчения predetermined позицией государственного обвинителя при условии ее мотивированности и обоснованности ссылкой на предусмотренные законом основания.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать запрос Курганского областного суда не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 226-О